

Кулиш Татьяна Викторовна

КОНСПИРАТИВИЗМ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье раскрывается понятие "конспиративизма", которое определяется как разновидность мифологического мышления, характерным признаком которого является доминирование концепта "тайный сговор" в концептуальной и языковой картинах мира личности. Автор описывает специфику конспиративистской картины мира, которая находит отображение в американском политическом дискурсе. В статье прослеживается эволюция конспиративизма в США, а также акцентируется внимание на психологической основе этого феномена.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 125-128. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Егоров С. С.** Булаанкый Боотур. Пьеса-олонхо, предания, тойуки, песни. Якутск: Полиграфист, 1994. 64 с.
2. **Егоров С. С.** Төлкөлөх туюрэх (Фольклорнай коллективтарга кэмэ). Якутск: Полиграфист, 1993. 96 с.
3. **Макаров С. С.** Эпический жанр олонхо в аспекте соотношения устной и письменной традиций // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2012. № 133. С. 126-133.
4. **Мухаметзянова Л. В.** Понятие «книжный эпос» в мировой фольклористике и татарские книжные дастаны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35). Ч. II. С. 141-144.
5. **Мухомлева С. Д.** Архив как «строитель национального самосознания и идентитета»: к вопросу архивации рукописей олонхо и фольклорных документов коренных народов Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2013. № 1 (6). С. 82-89.
6. **Мухомлева С. Д.** Самозаписи якутского героического эпоса-олонхо в дореволюционный период // Эпический текст: проблемы и перспективы изучения: материалы III Международной научной конференции (заочная, 17-19 ноября 2010 г.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. С. 119-127.
7. **Мухомлева С. Д.** Собиратели-корреспонденты: А. С. Порядин как информант и фиксатор якутского олонхо: рукопись. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2014. 6 с.
8. **Мухомлева С. Д.** Типы самозаписей олонхо советского периода (1939-1946 годы) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2011. № 2. С. 112-119.
9. **Оросина Н. А.** Фольклорные записи К. Г. Оросина (по материалам Санкт-Петербургского филиала архива РАН): рукопись. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2014. 9 с.
10. **Оһоокой Сэмэн умнулубат талаан** / сост. К. Д. Уткин, А. П. Иванов, И. Е. Егорова, Н. М. Егорова. Якутск: Ситим, 2011. 160 с.
11. **Покатилова Н. В.** От певца к поэту: к типологии поэтического слова в устной и письменной традиции // Сибирский филологический журнал. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2012. № 2. С. 76-80.
12. **Славянская традиционная культура и современный мир:** сборник научных статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. Вып. 11. Личность в фольклоре: исполнитель, мастер, собиратель, исследователь. 296 с.
13. **Стеблин-Каменский М. И.** Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1984. 246 с.

S. S. EGOROV AS AN AUTHOR OF SELF-RECORDS OF THE YAKUT HEROIC EPOS OLOKHKO

Kuz'mina Aitalina Akhmetovna, Ph. D. in Philology

*Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
aitasakha@mail.ru*

The article reveals the problem of authorship in self-records of the Yakut heroic epos by the example of the creative personality of S. S. Egorov from the Nyurbinsky district of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. On the basis of written memories, interviewing countrymen, relatives, colleagues, archival, literary, audio- video materials the researcher identified that S. S. Egorov can be considered as a bearer of epic tradition and an author, creator of literary olonkho who can perform and stage his works.

Key words and phrases: folklore; epos; olonkho; performer; narrator; self-record; author; recorder; informant.

УДК 811.11-112:32.019.51

Филологические науки

В статье раскрывается понятие «конспиративизма», которое определяется как разновидность мифологического мышления, характерным признаком которого является доминирование концепта «тайный сговор» в концептуальной и языковой картинах мира личности. Автор описывает специфику конспиративистской картины мира, которая находит отображение в американском политическом дискурсе. В статье прослеживается эволюция конспиративизма в США, а также акцентируется внимание на психологической основе этого феномена.

Ключевые слова и фразы: конспиративизм; теория заговора; американский политический дискурс; паранойальная картина мира; маккартизм.

Кулиш Татьяна Викторовна

*Институт журналистики Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко, Украина
tanya607@gmail.com*

КОНСПИРАТИВИЗМ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ[©]

Научное направление, предметом исследования которого являются тайные заговоры, в частности, политические, а также деятельность закрытых групп (элитарных или олигархических), сект, спецслужб и т.п.,

информация о которых по определенным причинам скрыта от широкой общественности, называется конспирологией (от лат. *conspirare* – дышать вместе, одновременно). В литературе употребляются также термины «конспиративизм» [1] и «конспирацизм» (*conspiracism*) [13]. Конспирологической теорией, или теорией заговора (от англ. *Conspiracy theory*), называют совокупность гипотез, связывающих общественно значимые события (например, свержение правительства) с заговором со стороны некоторой группы людей, управляющих этим процессом из разных побуждений или амбиций (корыстных, личных, групповых, клановых) [1; 2].

Для лиц с конспиративистским менталитетом присуща тенденция объяснять все важные исторические события с позиций теории заговора, которая понимается как единственная модель перемен в истории и единственная форма объяснений исторических событий: «Мнимое пронизывает реальность и подчиняет ее до такой степени, что всякая дифференциация становится невозможной. Другими словами, объективные социальные и экономические причины той или иной ситуации вообще не принимаются во внимание» [9]. *Конспиративизм*, таким образом, можно определить как способ концептуализации мира или стиль мышления [10], который характеризуется доминированием концепта «тайный сговор» в концептуальной и языковой картинах мира личности. Рассмотрим в общих чертах психологическую подоплеку этого явления, а также проследим эволюцию конспиративизма в США и его лингвокультурную специфику.

В эссе «Тревога в политике» Франца Нойманна [12, р. 270-300] была озвучена мысль, что разрушение сословного общества увеличило общую тревогу и беспокойство в обществе. В классовом же обществе статус каждого определяется его личными достижениями, что способствует возникновению тревоги из-за ощущения нестабильности. «Тревожные» граждане склонны связывать себя с лидерами, в том числе политическими, путем идентификации. Они считают историю конфликтом между героями и негодями, которые управляют миром, при этом оставаясь часто невидимыми. Характерным показателем является то, что для сторонника теории заговоров грядущие перемены имеют глобальное значение – на карту поставлены судьбы народов и всего мира. Вполне оправдано предположить, что такая ментальность является благоприятной почвой для формирования паранойяльного мировоззрения, или паранойяльного стиля мышления.

Социальные психологи утверждают, что теории заговоров предоставляют их сторонникам целостную картину мира, в которой нет противоречий, неточных деталей и вопросов без ответов [4, р. 107-121], что, в свою очередь, способствует ощущению личного комфорта, а также снимает тревогу и объясняет личные неудачи сторонников конспиративистских теорий [8, р. 8].

Конспиративизм можно рассматривать как один из разновидностей мифологического мышления наряду с такими его разновидностями, как утопизм и религиозный фундаментализм, которые могут дополнять и конкурировать друг с другом. Немецкий аналог *Verschwörungsmythos* (мифы о заговорах) также имплицитно трактовку «теории заговора» как мифа. Действительно, конспиративизму, как и античным мифам, присуща высокая символичность.

Политическая деятельность служит особенно благоприятной почвой для мифотворчества [8]. Некоторые политические партии склонны разрабатывать собственную версию национальной и мировой истории, причем некоторые из них делают это в духе противостояния, имея свой реестр врагов и превознося своих лидеров и их предшественников как героев. Символические структуры не обязательно имеют мифологический характер, но легко приобретают его в результате деятельности политиков-демагогов.

В политике паранойяльный стиль традиционно ассоциируется прежде всего с радикальными политическими силами (например, *the Ku Klux Klan, the John Birch Society*). Однако «умеренные» политические силы также демонстрируют политическую паранойю, причем в мейнстримной политике она скрывает большую потенциальную опасность по сравнению с паранойей на полюсах общества, провоцируя конкретные действия в обществе, в частности, «моральную панику» (*moral panic*) и нарастающее возмущение в американском социуме [15].

К проявлениям общественной паранойи в США, в частности, относятся следующие общественно-политические кампании: маккартизм (*McCarthyism*), антитеррористическая и антимусульманская кампании (*Terror Scare* и *the Muslim Scare*, соответственно), сюда отнесем также притеснения азиатских эмигрантов в США в середине XX века (*the Yellow Peril / Terror*), преследования сексуальных меньшинств во времена маккартизма (*the Lavender Scare*), кампания против сатанистов в 80-е годы XX века (*Satanism Scare*) и др. Даже сегодня некоторые политические и медиазнаменитости США обвиняют мусульман и либералов во всем плохом, что происходит в Америке и мире, строя на таких спекуляциях неплохую карьеру (например, Энн Колтер (*Ann Coulter*), Гленн Бек (*Glenn Beck*), Мишель Бахман (*Michelle Bachmann*)).

Американский исследователь Джордж Энтин предполагает, что политическое мифотворчество и конспиративизм – это явления переходного этапа исторического развития, которые «существуют где-то между мифом и наковальной паранойей» [1]. В современных развитых демократиях Западной Европы такой менталитет менее очевиден, чем в начале XXI века. США, однако, по мнению автора, являются исключением из этого правила благодаря весьма заметной склонности к проявлению конспиративизма.

В Америке конспиративизм возник раньше, чем само государство США. Некоторые историки считают, что именно конспиративизм был одним из движущих факторов, который обусловил реакцию на неравноправную политику британского правительства и, как результат, вызвал Американскую революцию (1765-1783 гг.) [3]. Аналоги конспиративизма можно найти и в Европе XVI в. и XVII в., которые стали эпохой великих научных открытий, а также массовых предрассудков, в частности, о конце света и ведьмовстве.

Можно, в частности, провести аналогию конспиративизма с явлением охоты на ведьм (*witch-hunt*), в основе которого лежит представление о подпольной группировке внутри общества, которое занимается «нечеловеческой» практикой и угрожает существованию последнего [4, р. X]. Таким образом, как охотники на ведьм, так и сторонники теорий заговоров отказываются воспринимать вещи такими, какие они есть, усматривая скрытые причины даже для будничных явлений и событий. Это дает основания утверждать о преимущественно поверхностном мышлении конспиративиста, или его когнитивной простоте, что проявляется, в частности, в склонности искать виновных (*scapegoating*) вместо того, чтобы принимать сложную и неоднозначную сущность явлений и событий.

Конспиративизм достиг своего пика в США после Второй мировой войны, когда коммунистическая экспансия в Восточной Европе и Китае достигла максимальных масштабов. В коммунистической идеологии, которая представляет «левую» разновидность конспиративизма, прослеживается «утопический стиль», который характеризуется убеждениями о «светлом будущем» и обществе равенства. На «правом» фланге политического спектра конспиративизм ощутимо отличается. Характерным деструктивным отличием мировоззрения «правого» конспиративизма, к которому вполне применимо определение паранойального стиля в политике [10], является собственная демонология, которая представлена «призраками» и другими злыми силами [1]. Исследователь американского конспиративизма Джесси Уокер [15], отмечает, что среди теорий заговоров существует много ложных и даже нереальных, однако они дают возможность многое понять об обществе, где они распространяются. В частности, примечательным является тот факт, что термин «паранойя» в американском варианте английского языка чаще обозначает «обеспокоенное состояние души», а не медицинский диагноз, который в словарях иногда подается только вторым значением этого слова, как, например, в следующем определении:

«*Paranoia* – a strong tendency to feel that you cannot trust other people or that other people have a bad opinion of you, or *medical* a mental illness that causes extreme feelings that others are trying to harm you» [5]. / *Паранойя* – выраженная склонность чувствовать, что вы не можете доверять другим людям, или что другие люди имеют плохое мнение о вас, или *медицинское* психическое заболевание, которое вызывает экстремальные ощущения, что другие пытаются навредить вам (American English Dictionary Online).

Таким образом, паранойя в американской картине мира понимается не столько как диагноз, а скорее как встревоженное состояние души. Важно также отметить, что популяризация конспирологических представлений в США во многом обусловлена американской свободой слова, которая защищает право распространять любую информацию в обществе, в том числе и теории заговоров.

Паранойя в обществе, как чувство коллективной тревоги, ощутимо влияет на американскую культуру и политику от колониальных времен до наших дней. Джесси Уокер подчеркивает, что тот факт, что конспиративистские убеждения распространяются на довольно значительное количество людей, свидетельствует об обеспокоенности американского общества. Этот факт подтверждают, в частности, многочисленные примеры проявления общественной паранойи (*paranoid social cognition*), которой в значительной степени подвержено американское общество.

Стоит отметить, например, что, несмотря на существующие документальные подтверждения, миллионы американцев верят, что свидетельство о рождении президента Обамы сфабриковано, и он не является гражданином США. Такое убеждение в общественном сознании настолько распространилось, что номинация *Birthers* (от англ. *birth* – рождение), что обозначает лиц, которые ставят под сомнение легитимность избрания президента Обамы за его возможное рождение за пределами США, вошла в словари. То же произошло и с номинацией *Truthers* (от англ. *truth* – правда), которая обозначает лиц, считающих, что правду о событиях 11 сентября 2001 года скрывают от общества. Курьезным является также тот факт, что 15% американцев до сих пор верят, что Элвис Пресли жив.

Дж. Вокер приводит примеры пяти основных конспирологических нарративов, или «пяти первобытных мифов американского конспирологического фольклора» (*Five primal myths underlie America's conspiracy folklore*), которые, начиная с XVII века и до наших дней, постоянно фигурируют в американской общественной жизни. Так, автор называет культурно-резонансные идеи, или архетипы, которые, независимо от истинности, приобретают определенную узнаваемую форму в общественном дискурсе. К таковым автор относит теории заговоров злых сил (*Malevolent Conspiracies*), а также теории заговора добрых сил, тайно действующих на благо людей (*Benevolent Conspiracies*). Разновидностями первых являются следующие конспирологические нарративы: 1) Внешний Враг (*Enemy Outside*), то есть образ противника, воплощающего злые замыслы вне страны; 2) Внутренний Враг (*Enemy Within*), т.е. враги среди сограждан; 3) Враг Сверху (*Enemy Above*), который скрывается на верхних ступенях социальной пирамиды, и 4) Враг Снизу (*Enemy Below*), который, наоборот, находится на нижних ступеньках социума.

Среди политиков в истории США наиболее примечательного «успеха» в области эксплуатации паранойяльных страхов о врагах-коммунистах достиг сенатор от штата Висконсин Джозеф Маккарти (1908-1957 гг.), который объявил своим призванием крестовый поход против внутренних врагов (*enemies within*) и стал символом борца против «международного коммунистического заговора». Воинственный тон Маккарти (*militancy*) мобилизовал сторонников в различных слоях общества, а его преимущественно голословные обвинения создали недоброжелательную атмосферу в американском социуме.

Сам термин «маккартизм» (*McCarthyism*), кроме общественно-политического значения, обозначает в английском языке ряд языковых практик, к которым, в частности, относятся: агрессивная манера допроса

с целью подвергнуть сомнению патриотичность допрашиваемого, голословные обвинения и демагогия, обвинения в государственной измене с целью совершения давления на человека и склонение его к конформистской политике или дискредитации противника.

Ряд экспертов проводит параллель между преследованием коммунистов в период маккартизма и борьбой против подозреваемых мусульман-террористов, начатую в 2001 году президентом Джорджем Бушем. Как отмечают исследователи, философия маккартизма воскресла, изменился только враг – коммунистов сменили террористы-мусульмане [7; 11]. Примечательно, что в прессе появились следующие номинации для обозначения этого общественного явления: *anti-muslim McCarthyism; anti-muslim witch-hunt*.

Осуждение маккартизма сенаторами-республиканцами в 1950 году дискредитировало имидж Маккарти и в результате привело к завершению его карьеры громкой цензурой в 1954 году, что в значительной степени способствовало преждевременной смерти политика в возрасте 49 лет. Приведем известный фрагмент произнесенной сенатором Маргарет Ч. Смит «Декларации Достоинства» (*The Declaration of Conscience*), в которой осуждались методы Маккарти: «*But I do not want to see the Republican Party ride to political victory on the Four Horsemen of Calumny – Fear, Ignorance, Bigotry and Smeat*» / «Я не хочу, чтобы Республиканская партия достигла политической победы на Четырех Всадниках Клеветы – Страхе, Невежестве, Фанатизме и Грязных обвинениях» (Margaret C. Smith, June 1, 1950) [14].

Таким образом, можно сделать вывод, что конспиративизм имеет богатую историю в США, выражаясь в распространенных конспирологических нарративах, которые успешно эксплуатируются политиками-демагогами с целью манипуляции общественным сознанием. Демократические свободы в США создают благоприятную среду для распространения теорий заговоров и конспиративизма, в частности, в политическом и массмедийном дискурсе. Однако следует отметить, что конспиративизм как ментальность и образ интерпретации истории и политики может быть опасным и дестабилизирующим явлением в современном мире, яркими примерами чему служат маккартизм (*McCarthyism*) и антимусульманская кампания Дж. В. Буша (*The Muslim Scare*) в начале XXI века.

Список литературы

1. Энтин Дж. Теории заговоров и конспиративистский менталитет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/asion/entin.html> (дата обращения: 12.04.2014).
2. Яблоков И. А. Теория заговора и современное историческое сознание: автореф. дисс. ... к.и.н. Томск, 2010. 20 с.
3. Bailyn B. *The Ideological Origins of the American Revolution*. Cambridge: Harvard University Press, 1967. 344 p.
4. Billig M. *Ideology and Opinions: Studies in Rhetorical Psychology*. London: Sage, 1991. XII+224 p.
5. **Cambridge Dictionaries Online – Paranoia** [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/american-english/paranoia> (дата обращения: 01.06.2014).
6. Cohn N. *Europe's Inner Demons: an Enquiry Inspired by the Great Witch-Hunt*. N. Y.: Basic Books, 1975. 302 p.
7. Cole D. *The New McCarthyism: Repeating History in the War on Terrorism* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.umass.edu/legal/Benavides/Fall2005/397G/Readings%20Legal%20397%20G/12%20David%20Cole.pdf> (дата обращения: 10.04.2014).
8. Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 1985. 232 p.
9. Graumann C. F., Moscovici S. *Changing Conception of Conspiracy*. N. Y.: Springer-Verlag, 1987. Vol. 3. 264 p.
10. Hofstadter R. *The Paranoid Style in American Politics* [Электронный ресурс]. URL: <http://studyplace.ccnmtl.columbia.edu/files/courses/reserve/Hofstadter-1996-Paranoid-Style-American-Politics-1-to-40.pdf> (дата обращения: 05.09.2014).
11. Johnson H. *The Age of Anxiety: McCarthyism to Terrorism*. Harcourt Inc., 2006. 672 p.
12. Neumann F. *The Democratic and the Authoritarian State*. N. Y.: Free Press, 1957. 303 p.
13. Pipes D. *Conspiracy: How the Paranoid Style Flourishes and Where It Comes from*. Touchstone, 1997. 272 p.
14. Smith M. C. *Declaration of Conscience* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/margarechasesmithconscience.html> (дата обращения: 12.04.2014).
15. Walker J. *The United States of Paranoia: a Conspiracy Theory*. N. Y.: Harper Collins, 2013. 448 p.

CONSPIRATIVISM IN THE AMERICAN LINGUOCULTURE

Kulish Tat'yana Viktorovna

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Institute of Journalism
tanya607@gmail.com

The article touches on the conception of “conspirativism” which is defined as a variation of mythological thinking; the latter is characterized by the dominance of the concept “conspiracy” in the conceptual and linguistic pictures of the world of a personality. The author describes the specifics of “conspirativistic” picture of the world which is represented in the American political discourse. The paper analyzes the evolution of conspirativism in the USA, emphasizes the psychological foundation of this phenomenon.

Key words and phrases: conspirativism; conspiracy theory; American political discourse; paranoid picture of the world; McCarthyism.